

Светлана КОШКИНА
г. Беломорск

ВИРМА

«Скала из неба выпала...»

*Давно это было,
пятьсот лет назад,
а может, и более.
Теперь никто не скажет.*

*Одно известно:
происходило это во времена
досюльные, прежние то есть,
давние, когда только-только
по Поморскому берегу
Белого моря
начинали свою жизнь
северные поселения,
и одно из них – Вирма,
что раскинулось
по берегам мелководной
и
узкой одноименной речки.*

Старинное селение с красавицей церковью семнадцатого столетия хранит предания древности, того времени, когда ряд разорительных походов в Поморье совершали шведы. С огромной силой шведская интервенция обрушилась на беломорские поселения: был сожжен Печенгский монастырь, разграблены окрестности Колы, осенью 1592 года опустошено пространство от Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока. Архимандрит Соловецкого монастыря Досифей писал об этом: «Разорены и пожжены как государственные, так и монастырские волости до Сумского острога; соляные варницы, хлебные магазины, рыбные ловли, лошади и весь скот истреблены; многие крестьяне отведены в плен, а храмы Божии были ограблены и сожжены до основания...»

Так вот, из уст в уста, передают виремские старожилы одно предание: дескать, когда шведы «хозяйничали» в Поморье, немцы, другим словом иноземцы, ограбили церковь. Ограбили и легли в поле добычу делить. Когда они поделили ее, на небе неожиданно черная туча появилась, а из нее прямо на грабителей скала выпала. Ее в народе прозвали Немецкая Щелья. Не повезло грабителям: всех накрыла Щелья, только одна нога в сапоге торчать осталась, да и та закаменела...

Сказанное выше происходило в XVI веке, но считается, что еще в начале XII века виремские земли обосновали карелы, нашедшие здесь саамов, которые ушли дальше на север. Позже, как и старинное селение Сороку (ныне – город Беломорск), Вирму на-

чали заселять новгородцы, и она, наряду с другими поморскими селами и деревнями, долгое время являлась вотчиной Марфы-посадницы, а затем и Соловецкой обители. Об этом свидетельствуют исторические документы: жалованные грамоты, купчие, данные. Согласно одному из них, датированному 1459 годом, некие Моисей Федорович и его жена Наталия с детьми отдали обители свои участки в реке Вирме.

Другой документ 1526 года – «Жалованная грамота архиепископа Новгородского и Псковского Макария Соловецкому монастырю...» сообщает об освобождении монастырской церкви на реке Вирме от уплаты пошлин.

Упомянется Виремская волость и в документах 1548 года. Это «Уставная грамота игумена Соловецкого монастыря Филиппа крестьянам Виремской, Сумской, Шижненской и Сухонаволоцкой волостей». Приведем фрагмент грамоты:

«<...> Се яз игумен Филипп Колычев Соловецкого монастыря, посоветовав священники и с келарем¹ и с казначеем и с старцы соборными и со всею еже о Христе братию, благословил и пожаловал есмь крестьян своих Виремские волости, и Шижненские, и сухонаволочан, и сумлян, и Слободку монастырских крестьян, дали есмь им свою грамоту уставную...»

Как пишет историк В.О. Ключевский, в селении на Вирме у пристани, на приобретенной Соловецким монастырем земле был двор, в котором жил монастырский приказчик, «старец-ватаман», и хранились «всякие потребности и запасы», «есть намек и на то, что здесь рано образовалась волость и содействием монастыря поставлена церковь, одна из первых в крае, при которой жил назначавшийся монастырем «инок-иерей», соединявший с должностью приходского священника обязанность надзора за монастырским двором».

Грамоты XVI столетия сообщают о древнейшем в Поморье виремском усолье. Так, в «Отводной сотной выписи новгородских дьяков Федора Еремеева и Казарина Дубровского на государевы земли и угодья в Сумской волости, жалуемые Соловецкому монастырю» 1556 года мы узнаем о варницах Ивановской, Гавриловской, Сенкинской да Фетковской, а в «Грамоте новгородских дьяков Федора Еремеева и Казарина Дубровского солеварам Выгозерского присуда Спасского погоста...» того же года читаем о варницах Иванки Ильина, Симонки Григорьева, Гриши Нестерова и др. В документе указано, что из девяти варниц три на реке Вирме были уже старые...

Известно, что соль доставалась большим трудом, но она приносила немалый доход. По све-

дениям, которые собрал А.А. Савич, в 1603 году с виремских соляных варниц оптом было продано 5950 пудов² соли на сумму 179 руб. 28 алтын 4 деньги³; в 1604-м – 2070 пудов соли на сумму 41 руб. 13 алтын.

В середине XVII века в Вирме существовали уже три монастырские варницы, и в начале XVIII века «некогда бойкие они представляли груды развалин: заржавелые црены⁴ распались, рассольные трубы и колодези от ветхости обвалились, были размыты морскою волной и занесены песком...»

«Покрашены лаком святые иконы...»

Несколько столетий на левом берегу реки Вирмы у гранитной скалы возвышается Петропавловская церковь – уникальный памятник деревянного зодчества. Время словно останавливается, когда приближаешься к нему и вглядываешься в устремленные в небо пять глав луковичной формы, крытых осиновою чешуей. Да оно и не двигается здесь, судя по раритетной табличке, прикрепленной на храме, в которой указано, что церковь 1625 года является памятником архитектуры и подлежит охране как всенародное достояние. И далее: «Министерство культуры КАССР».

Предполагается, что иконостас церкви 1625 года состоял из четырех ярусов икон XVI–XVII веков, в середине XVIII века были заново написаны иконы верхних рядов – пророческого и праздничного. Храм часто поновлялся. В 1842 году церковь впервые была обшита тесом и окрашена охрой, в 1874-м перекрашена «с белилами и внутри обита приличными обоями».

Северная сторона храма и снаружи, и внутри в 1893 году была обита тесом и выбелена, в 1894-м позолочен иконостас, вычищены и покрашены лаком святые иконы.

В 1927 году художник Н. Маковская обследовала церковь, указав, что в ней хранится древняя доска с вырезанной надписью о поновлении храма 8 сентября 1630 года. «Перед храмовой иконой, – пишет Н. Маковская, – на восковом подсвечнике надпись: «поставил сию свещу в ц. Петра и Павла вирмский казак Григорий Михайлов лета (7143) 1635 месяца апреля».

В семи метрах от храма находилась деревянная, обшита тесом с шатровой об одной главке

¹ Келарь – монах-эконом; одно из старших должностных лиц в монастыре.

² Пуд – русская мера веса, равная 40 фунтам, или 16,58 килограмма.

³ Алтын – старинное название серебряной монеты ценностью в 6 денег, или 3 коп. Денга – мелкая серебряная монета.

⁴ Црены – большие сковороды, в которых вываривали соль.

крышей колокольня с шестью колоколами. «Пятый, – читаем в описании, – приобретен после 1820 года, а шестой в 1884 году, когда был произведен ремонт колокольни».

Каждый год 12 июля в Вирме отмечается праздник Петра и Павла, двух почитаемых первоверховных святых апостолов, что ревниво служили Господу и распространяли Христову веру.

То, что храм в Вирме был выстроен издавна, подтверждают рукописные книги, хранившиеся в церкви. Например, пролог XVI века, отданный в 1483 году неким Андреем Плещеевым в церковь святого мученика Никиты (неизвестно какого села), а после в 1489 году – в Соловецкий монастырь, откуда, предположительно, он попал в Петропавловскую церковь...

«Во имя преподобных Зосимы и Савватия...»

В 1859 году Вирма считалась небольшим селением, здесь насчитывалось всего 44 двора и проживало 284 человека; в 1896 году количество дворов составляло 70, жителей – 385 человек.

Некоторое время село было приписано к Сумскому приходу, но в 1893 году его восстановили в самостоятельный приход. С этого времени священником Виремского прихода начал служить Михаил Ильин Тамицкий. Псаломщиком с 1894 года – окончивший курс духовного училища Александр Андреев Варфоломеев. Спустя четыре года здесь открылось сельское одноклассное общественное училище, в 1904 году законоучителем в нем состоял Владимир Макарович Видякин, учительницей – Валентина Николаевна Алексеевская. В.М. Видякин служил также и священником Виремского прихода. 21 апреля (по ст.ст.) 1916 года священником назначен Феодор Пашин, служивший до этого в Тунгудском приходе Кемского уезда.

Крестьяне соседнего села Сороки трепетно относились к виремской церкви, за что некоторые из них отмечались Архангельской епархией. Так, в 1909 году епископом Архангельским и Холмогорским Михеем было «преподано архипастырское благословение с грамотой» крестьянину Сорокского прихода Василию Тимофеевичу Ремягину за усердие к храму, выразившееся в пожертвовании денежных средств на его «благоукрашение».

В 1909 году в селе насчитывалось 106 домов, из них 13 были двухэтажные, здесь проживало 494 человека, составлявших все население прихода, единственного в Кемском уезде, где, по словам священника Николая Канорского, строго соблюдались посты, исполнялся христианский долг испо-

веди и святого причащения, где священника встречали с такой радостью и любовью, что он поистине чувствовал себя среди них отцом, которого окружают ласковые дети». Старообрядцы, уважая такую преданность вере и сравнительно строгую жизнь, бывали в Вирме, а жители Вирмы, в свою очередь, взаимно бывали у них, и через это-то сближение православие виремчан смягчало раскол соседей и хотя медленно, но верно возвращало «их в лоно православной церкви».

Отовсюду – из Колежмы, Сумы, Сухого, Шижни, Выгострова, Лапино – православные и старообрядцы съезжались в Вирму на летний праздник, посвященный памяти святых апостолов Петра и Павла, и на зимний – поклонение веригам апостола Петра. Шли пешком, спешили в гостеприимную Вирму...

15 января (по ст.ст.) 1909 года протоиереем Николаем Дьячковым здесь был освящен новый придельный храм-трапеза во имя преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Несмотря на «поновление», памятниками в трапезе остались: редкие по толщине и крепкие, как дуб, бревна, из которых набран первый основной ряд новой трапезы; входные распашные филенчатые двери и боковые стойки арки – прохода в храм; два столба резной работы, державшие потолок прежней трапезы.

Работа по устройству трапезы длилась несколько лет, помогали всем селом. Еще в 1906 году сельчане отделили из леса, отпущенного казной на домашние надобности, 340 деревьев, кроме того, промышляя на Мурмане, продавали рыбу, а вырученные деньги сдавали в церковно-приходское попечительство. Кто только не помогал в строительстве, приобретении нового иконостаса для трапезы: осенью 1908 года Дарья Дементьева пожертвовала 50 руб., неизвестная крестьянка М.Д. отдала на лампы 50 руб., неизвестный крестьянин из Сухонаволоцкой деревни В.Р. – 100 руб., а крестьянин В.И. Головин с женой – облачение на престол и жертвенник, а также все необходимое для освящения храма.

«На бумаге с водяными знаками...»

Петропавловская церковь славилась своими старинными иконами. По описанию 1909 года, в иконостасе храма находились четыре большого размера иконы: Спасителя с коленопреклоненными Соловецкими угодниками Германом и Иринархом, Божьей Матери с коленопреклоненными святым митрополитом Филиппом и преподобным Елезаром Анзерским; храмовая преподобных Зосимы и Савватия и еще одна икона Святителя Николая.

Кроме этого, семь маленьких икон, и все 11 икон

хорошей живописи были написаны в Соловецкой обители, которая за иконостас с иконами с постановкой его на месте взяла только 100 рублей. Восточная стена трапезы по левую сторону арки также была заполнена в три яруса старинными иконами с 6 лампадами.

Немало сведений имеется и о старинных книгах церкви. Известно, что здесь хранилось рукописное Евангелие, которое позже было передано в древлехранилище Архангельского Епархиального церковно-археологического комитета. Образцом для его списывания служили Евангелия, написанные в Новгороде, а затем в Москве. Кто и для кого писал виремское Евангелие, не указывается. Не имеется и записей о времени и месте написания, но предполагается, что написано оно «в северной Руси, очень может быть, в пределах Архангельской губернии, где-либо на берегу Белого моря».

Евангелие отличалось изяществом и оригинальностью. Величиной с лист, в деревянном переплете, обтянутое кожей коричневого цвета с тиснениями, оно имело две медные защепки копьеобразной формы, украшенные каждая двумя цветочками и разными завитушками. Узор защепок «выпукл, как бы наложен», напоминал филигранную работу. Написано Евангелие на бумаге двух сортов: первая половина на бумаге с водяным знаком папская тиара, а вторая – на бума-

ге с водяным знаком бычачья голова с высоким четырехконечным крестом между рогами и обвивающейся вокруг креста змеей, «писано довольно широким уставом рыжеватыми чернилами».

Обследовавший Евангелие Г. Бугославский в 1904 году писал, что, «основываясь на виде водяных знаков бумаги, на которой написано Евангелие, относящихся к XV веку и началу XVI, и на начертания некоторых букв, время написания его можно отнести к первой половине XVI века».

Кроме Евангелия, называются и другие рукописные книги Петропавловской церкви: две книги «Пролога» (март-август и сентябрь-февраль); толковое или учительское Евангелие XVI века; поучения Ефрема Сирина: 6-7, сборник в двух томах; Парамейник; Праздничная минея письма начала XVI века; Октоих; Триод постная; Триод цветная; службы разным святым (трефологий), Служба и житие преподобных Савватия и Зосимы, Соловецких чудотворцев; нотный Ирмологий (крюковой).

«Три человека на ёлу...»

В начале XX века жители Вирмы продолжали заниматься рыболовством. Жизнь виремских рыбаков, промышлявших каждую весну на Мурманском берегу, описал в 1913 году известный краевед Поморья Иван Матвеевич Дуров:

«Виремские промышленники в общей сложности имеют около 55-60 промысловых судов типа шняк и ёл. Промышленники на эти суда набираются в той же Вирме, что, считая по 3 человека на ёлу, составляет 165-180 человек (не считая занятых на горе). Подавляющему большинству (за исключением некоторых хозяев судов, которые едут на Мурман через Архангельск) приходится ехать на Мурман прямым рейсом мурманского пароходства. Всей этой массе рыбаков приходится садиться на пароход на Сумском рейде. От Вирмы до места посадки 15-17 верст. Но главная беда в том, что ехать приходится мелкими проливами, доступными для проезда мелких карбасов, и то лишь во время прилива. Такое положение посадки создает массу неудобств для рыбаков, для которых прибыть на Мурман вовремя является вопросом первой важности».

К концу лета и началу осени рыбаки с Мурмана присылали рыбу «для собственного продовольствия» и снова за этим грузом 15-17 верст ехали на Сумский рейд: «Рейд под Сумским Посадом открыт почти для всех ветров. Поэтому, чуть сильнее ветер, выгружать на мелкие карбасы опасно, а подчас и невозможно. Задержался виремец на лишние полчаса с выгрузкою, и... проливы обмелели; кружной же путь – верст 25-30. С такой дальнейшей выгрузкой для кладчика на-

растает масса хлопот и расходов». Непростое время для рыбаков описал Иван Матвеевич, но было ли оно когда простым? Опасной и тяжелой являлась работа в море.

В 1930-х годах Вирма не избежала коллективизации: здесь, как и повсеместно, организовали рыболовецкий колхоз «Труженик». Его рыбаки вели промысел в Белом и Баренцевом морях, добывали водоросли фукус и ламинарию, известную под названием морская капуста. В 1932 году в колхозе насчитывалось 8 бригад, 50 процентов всех рыбаков, занятых на путине, были женщины. Весь рыболовецкий инвентарь, невода и карбасы закреплялись за бригадами и звеньями, на время путины при колхозе открывались детские ясли на 15 человек. Жители села занимались и лесозаготовками.

В годы Великой Отечественной войны тяжелый груз лег на плечи селян Вирмы. Матери, жены, сестры заменили мужчин, ушедших на фронт. Молодые девчата трудились на лесозаготовках, подростки помогали колхозу убирать морковь, репу, турнепс. Многие уходили на работу не на одну неделю...

– Мы в войну на Оленьем острове, что в море, сельдь в бочки укладывали, – вспоминает виремчанка Лидия Петровна Попова, – для колхоза ходили лист в лесу собирать, рвали с веточек. Учились в интернате в Сумском Посаде, пешком туда ходили. Однажды в ельнике, что возле храма, лес на дрова

Вирма

пилить стали, так там дерево на карельскую девочку упало. Насмерть убило...

Как рассказывают старожилы, в районе продолжали работать избы-читальни, лучшей считалась виремская, в которой трудилась Фатина Васильевна Попова. При избе-читальне работал стол справок, вечерами здесь собирались жители Вирмы: одни слушали патефон, другие читали газеты, журналы... Немного времени отводилось на отдых: работали и взрослые, и дети.

Недалеко от Петропавловской церкви 22 июня 2005 года в память о трагических днях торжественно открыли мемориал. На памятнике надпись:

«Мы склоняем головы перед памятью тех, кто погиб сражаясь, кто не дождался часа Победы. Из села Вирмы ушли на войну и не вернулись...» И дальше длинный ряд фамилий наших братьев, отцов, дедов: *Головин Александр Владимирович*, 1923 г.р., похоронен в Восточной Пруссии; *Деметьев Максим Федорович*, 1921 г.р., похоронен в Ленинградской области; *Попов Николай Михайлович*, 1897 г.р., похоронен в Сегежском районе на 59-м км дороги Кочкома – Реболы; *Филатов Иван Александрович*, 1922 г.р., похоронен в Польше, и многие другие. Вечная память героям...

«Горбушами траву косили...»

Когда проезжаешь из города Беломорска деревянный виремский мост, построенный в 1993 году, по левую сторону у самой дороги видишь дом, который разменял уже вторую сотню лет. В нем живет коренная виремчанка Анна Андреевна Панфилова. Дом этот строил еще дед ее мужа – Лукá Филиппович Деметьев, много лет прослуживший на флоте. В нем в 1902 году родилась и свекровь Анны Андреевны – Любовь Лукична Деметьева. Памятны Анне Андреевне рассказы бабушки, да и сама она мастерица рассказывать о прошлом и настоящем. Слушаешь и диву даешься: не порастеряла с годами память на минувшие события. Ее отец, или, как ласково она величает, батюшка, Андрей Данилович Афанасьев «шестигодовой» из дому ушел. Из Березово, что недалеко от Тунгуды. Убежал даже, а не ушел. В деревянных башмаках. Вот как сильно рассердился на своего отца.

– Шел, шел, – рассказывает А.А. Панфилова. – Дядюшка мимо ехал в Сороку, говорит: «Пойдем, Андрюша, домой». Он ни в какую, идет себе да идет. Дядюшка его в Шижню и увез. Там он нянчился в домáх, а потом в Сухое переехал, после – в Вирму к Головиным, которые побогаче, устроился. Они почту держали, так он за конем ухаживал, потом в казаках был и на море ходил. Домой в Бере-

зово так и не вернулся... Сюда на сенокос кореляки приходили, карелы то есть, так вот дед Лукá с моря писал бабушке: «Александра, не коси сама, кореляков возьми».

Удивлялась я рассказам Анны Андреевны, в особенности поразило то, как с утра до ночи на лугах траву косили. Названия у кос замысловатые: горбуши да литовки. Держа горбушу за ручку-косьевище обеими руками, приходилось сильно нагибаться при косьбе, а вот литовками – косами из литой стали, по рассказам моей собеседницы, было удобнее работать. Про косу-литовку в Поморье даже частушку сложили:

*Косила, покосила,
Литовочку я бросила,
Литовочку под елочку,
Сама пошла к миленочку.*

– Литовки они лучше горбуш, – повторяет Анна Андреевна, – потом в колхозе худы косы были, мягкие. Ими на́ две руки косили. До обеда прокосишь, а после обеда и не подумаешь. Хоть и быстро наточивались, но худые. Литовки же долго точить нужно было, но хорошие косы. А как точили? На точилах. Кто-нибудь вертит, а ты точишь, вертит, а ты точишь. Я начала работать с 1 апреля 1943 года. Пошла на рыбопункт. Рано научилась ко́су точить. Мать пойдет и говорит: «Наточи ко́су, да не кру́то возьми». «Да как ребята будут», – отвечаю. А ребята-то небольшие будут, а комáрщины навалитесь много, они, бедные, плачут, да вертят точила, а я точу. Один раз я х́удо наточила: покруче взяла. Мама приехала, дала звóни, что х́удо наточила. Я плачу: «Да я не виновата, мне ребят жалко стало, их комары всех переели».

Во время войны, в годах 1944-45 в Юково работала. Нас туда с Алей Крошнинаой отправили. Наваг там: с дом гора. Вот мы четыре месяца там и работали, а валеночки у нас худые, и варежки от рыбы худые. Мы мерзли, сильно мерзли. Еще же нужно было кульё зашивать, а кульё рогожно. И руки у нас все вымерзли...

После войны А.А. Панфилова вернулась в Вирму, устроилась работать в детский сад.

– Тогда, – говорит она, – по берегам реки плотá разбивали, полно́ ведь было лесу. Так вот, пригонит мужик к детскому саду его на берег, а женки на воскреснике соберутся, плот в полну воду загонят да в штабель соберут, а мы с поваром нашингаем, да я на плечах наношу, чтобы печки протопить, с плота-то...

Попросила я Анну Андреевну и о храме рассказать. Оказалось, многое она помнит:

– В церкви нашей до войны священник служил. Приезжал из Сумпосада. Зимой он ездил на керёже. Она как лодочка, а сверху как саночки, у нас здесь с керёжами на губу ходили. Так вот, священник собаку большенную запрягал, палками подпирался, отталкивался и так ехал на керёже. Приезжал даже на неделе, и в воскресенье служба была. Соседка Матрена водила меня в храм, помню, рядом с ним колокольня была. Колокола большие. Когда война началась, колокола разбивали и грузили огромными кусками на переплав, на снаряды. Колоколню потом всю разобрали, а ведь она тоже, как и церковь, была обшита и покрашена белой краской...

Как строить село начали? Старики сказывали, что как Вирме строиться, бросили икону: куда ее прибьет, там и строиться. Говорят, сюда икону и прибило. Хотели выше строиться, но подниматься водой на лодке труднее, да и дальше, здесь-то ближе, у моря. Икону возле рощи выкинуло, там часовенку и построили, потом уж церковь.

В Вирме у игнатъевских келья была, напротив тоже келья, в них староверы жили. Ели они отдельно. Помню, мать позовет Тимофеевну на роды, так та чай пьет отдельно, из своей посуды...

Анна Андреевна замолчала, а мне вспомнилось, что почти каждый старожил упомянул о староверах. По рассказам, они не только свою посуду хранили отдельно от посуды людей другой веры,

но и иконы на отдельной полочке держали, на которые молились шепотом, отсчитывая количество молитв четками, что хранились рядом с образами...

Внимательно посмотрела я на свою собеседницу: добрые грустные глаза, иссеченное морщинами лицо, целая жизнь в одном взгляде... Анна Андреевна поднялась, повернулась в сторону и, окунувшись памятью в свой рассказ, стала рисовать в воздухе дом, где раньше жил священник:

– Дом большенный, – она широко развела руками. – В нем, уже при колхозе, бильярдная была, дальше сцена, потом библиотека, идешь дальше, а там изба-читальня, еще газеты и журналы на

столах расстелены были, а внизу, на первом этаже, магазин. В нем, помню, горшки глиняные продавали. Этот магазин во время войны ликвидировали, здесь кухню для солдат устроили, плиту поставили, и, когда солдаты с фронта приходили на неделю или десять дней, повар им и варил. Так вот, он, повар-то, однажды дом и сожгál, а потом исчез, куда, никто не знает...

Время создания колхоза «Труженик» Анна Андреевна не припомнила, знает только, что мать у сердца ее носила, когда семье пришлось сдать колхозу коня, мережи и невод, что отец день и ночь шил. Так и остались ни с чем...

– За палочки работали, – говорит А.А. Панфилова. – Денег-то совсем не давали. Сено только, и то другой год на корову за лето не заработаешь... Около 70 коней было в колхозе, два коровника, конюшня, повárня. Колодец, помню, был, мы из него воду брали, а потом его завалили, так мы теперь без воды...

На сенокос в звéньях ездили. Утром вода в пять, уедут туда, на лодках угребут и там весь день на́ две руки ходят, косят-то. Какой труд, с ума сойти! Так наши женки да матери работали. Мне тоже приходилось косить. Приедут домой, кое-как корову подоят. Нам мать скажет: «Самовар согрейте. Баню протопите, хоть маленько ноги похвостáть». Комары-то переедят всех. Так вот, приедет, похвóщет

ноги, а корову когда подоит, когда и мы подоим, да чай попьет и свалится. А утром рано надо вставать, до поездки печку стопить да нам что-то в русскую печку поставить, каши да молока...

Правление колхоза находилось в большом двухэтажном доме, напротив дома Ивана Разумовича. Дом в войну военные спалили. Дом огромный. Внизу – магазин промтоварный, магазин продовольственный, склад, потом подымешься по высокой лестнице, наверху почта, потом комната, где мы учились в 4 классе, 43 человека. На шесть окон комната-то. В другой – правление колхоза, дальше бухгалтер сидел, обратно пройдешь – сетевязка

*Андрей Данилович Афанасьев
и Глафира Михайловна Головина.
Фото из личного архива Т. Ивановой*

колхозная, затем кладовая, где сети хранили. В войну, где сетевязка, жил милиционер, он-то дом и сожгъл. Еще военные помогли тушить...

Из председателей колхоза помню Митю Легкого (из Колежмы), Мартынова, а после войны был Дементьев Михаил Андреевич, после Иван Хиршиев (из Сухого), Головин Василий Михайлович... Когда железную дорогу гнали, в другом большом доме, где сплавщики жили в селе, поселили заключенных. Кругом обнесли забор колючей проволокой. Построили новый дом – штаб, в нем стрелки жили. Там и кухня была. К зоне пойдешь, в земле выкопаны две землянки. В одной – пекарне – хлеб пекли, и мука там. В другой – картошка да овощи. Пройдешь немного, там зона начиналась. Бараков много. Не один барак. Стрелков тоже много... В Вирму же еще в войну дорожное строительство было эвакуировано. Они жили на другой стороне реки – в игнатьевском доме, что сейчас разбирать начали. Дом этот тоже загорался. Варили-варили внизу, повар печь накалил, и дом загорелся. Хорошо, что наверху сторож был, он тревогу дал. Так залили дом...

«Биологию преподавала гречанка...»

На другой стороне реки от дома Анны Андреевны Панфиловой – двухэтажный дом семьи Головиных, построенный еще до 1917 года. О семье этой мне поведала Мария Разумовна Подлесская (Головина), рассказав, что ее родители тоже трудились в колхозе «Труженик»: Марфа Матвеевна, 1907 г.р., и Разум Федорович, 1905 г.р., а дядя ее, Александр Федорович Головин, после войны ездил в Москву на ВДНХ как лучший конюх колхоза. Привез оттуда в подарок ребятам целый мешок яблок...

Дояркой в колхозе работала Анна Александровна Игнатьева, она избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

Не только сено косили да ловили рыбу, но и сажали овощи: морковь, турнепс, капусту и др. На ферме крупного рогатого скота имелся свой сепаратор, маслобойка. За животными помогали ухаживать местные школьники. В начале 1950-х годов в Вирме появился радиоузел, первой на нем работала Нина Евтифеева (Коллиева), затем Александра Андреевна Антипина (Попова). На реке в 3 км от Вирмы работала электростанция. Она давала свет с 5 до 10 часов утра и с 17 до 22 часов вечера...

Дед Марии Разумовны, Федор Михайлович Головин, еще до образования колхоза, имел в селе два дома – двухэтажный и одноэтажный, свои лодки и сети, оттого считался зажиточным крестьянином.

Двухэтажный дом остался сыну Разуму Федоровичу, но, по рассказам М.Р. Подлесской, вся их жизнь прошла в избе, то есть в комнатке на первом этаже. Так случилось, что в войну второй этаж занимали военные, а после войны – правление колхоза...

– В детстве нянчила младших братьев и сестричек, – рассказывает Мария Разумовна, – в семье-то семеро детей было. Мама в 5 часов разбудит. «Вставай, – говорила, – Марусенька, надо нянчиться». С шести лет корову начала доить... Да полы белые тереть нужно было с песком, дом-то огромный...

Отец наш всех жалел, часто цыган в дом пускал... Как раньше много цыган ходило! Летом жили около деревни, а зимой – у нас да в других домах... Отец наш очень добрый был. Поймает рыбы, оставит себе на уху, остальное всё людям отдаст, старушкам, говоря: «Вот там не рыбачат, там не рыбачат...» Насыплет мисочку, закроет чем-нибудь и говорит: «Снеси той бабушке и той бабушке...» В лес сходишь: «Вы поели ягодки в лесу, а бабушка не может сходить, так снеси ей ягодок». Мы ходим, носим. Всегда-всегда так говорил.

А какие старики приветливые были в Вирме! Я помню, студенткой приехала, иду, они говорят: «Здравствуй, Разумовна, здравствуй, куколка». Еще и поклонятся, а старики шапку снимут, спросят: «Как дела?» Все выпросят... Как только школу окончила, пошла работать. Заработала деньги и купила туфли на каучуковой подошве, кофточку с поясом и поехала учиться в Сортавальский сельскохозяйственный техникум. После два года работала агрономом, затем учителем.

Заочно окончила Новгородский институт и вскоре переехала в Вирму. Трудилась три года в местной школе, а затем – учителем химии и биологии в Беломорской средней школе №2, в школе №82, ныне – школа №3...

Как рассказала Мария Разумовна, в Вирме вначале церковно-приходская школа была, затем начальная. В 1950–1951 учебном году открыли 5-й класс для 25 учеников. На следующий год – 6-й класс, затем 7-й. Она окончила семилетнюю виремскую школу в 1953 году. Сохранилась фотография выпуска 1953 года. На ней будущие архитектор, врач, воспитатель детского сада, учитель, ветврач, бухгалтер, геолог, агроном... Много специалистов дала Вирма – капитанов, учителей, мотористов...

Мария Разумовна хорошо помнит свою первую учительницу – Галину Ивановну Игнатьеву и классного руководителя в 5 классе – Анну Алексеевну Попову (Луккоеву). Биологию преподавала гречанка Антуанетта Юрьевна Коралли. Как она оказалась в Вирме, никто не знает, но помню, что жила она на частной квартире.

На поле, что напротив церкви, находился большой пришкольный участок. Поле было ровное-ровное, ни одного клочка, звали его «петровским». Когда-то на этом месте стоял клуб, но он сгорел... Директор школы Иван Алексеевич Мосягин преподавал математику, физику и физкультуру. Вскоре он уехал... Через некоторое время, как и повсеместно, школа в Вирме стала восьмилетней, она находилась недалеко от дома Тихоновых, если идти к реке от церкви. Сначала здесь была школа, затем детский сад. Позже построили новую школу, в ней Мария Разумовна уже не училась, а работала. Она вспоминает, что в 1960-х годах ее возглавляла Елизавета Ивановна Игнатьева. Закрыли школу в 1970 году...

С 1952 по 1973 год в детском саду с. Вирмы трудилась Анастасия Николаевна Попова. Она рассказала, что сначала детсад находился в частном двухэтажном доме. В смешанной группе насчитывалось до 30 детей. Заведовала учреждением Евлалия Ивановна Лаврова, помощниками воспитателя трудились Галина Егоровна Ивашкина и Анфиса Прокопьевна Головина, поваром – Мария Дмитриевна Калинина, счетоводом – Екатерина Александровна Янковская.

– Очень вкусный хлеб в пекарне пекла Ольга Васильевна Фролова, – говорит Анастасия Николаевна, – в медпункте работала Мария Балагурова. В церкви долгое время не велись службы, но ее частенько открывали. Мы приходили, смотрели. Сколько же там было церковной одежды! А икон позолоченных – целый иконостас! Красота какая! Иконы потом увезли на реставрацию, все вот возят...

А как много здесь людей жило! В клубе в домино играли, танцевали. Кадрилы ходили по несколько раз. Играли вальс, польку гармонисты наши Володя Калинин и Саша Дементьев, а кино в село привозил Петя Белошапка...

«Передать Сумостров Вирме...»

Есть такая притча: *«У одной женщины было все – дом, семья, достаток, но она потеряла смысл в жизни и пришла за помощью к мудрецу. Он посоветовал ей для каждого происходящего с ней события подобрать соответствующий цветной лоскуток и сшить их вместе. Женщина долго трудилась, вспоминая и собирая кусочки своей жизни. Закончив работу и взглянув на свое лоскутное одеяло, она поняла, что жизнь у нее, на самом деле, яркая и интересная».*

Эта притча вспомнилась мне, когда увидела я в доме Тамары Федоровны Ивановой оригинальное лоскутное панно, с любовью сшитое ею в подарок

друзьям. Мастерницы издавна шивали остатки кроя в многоцветные лоскутные вещи, достигая неповторимого колорита и гармоничности цветов. Не знаю, собирали ли они тем самым в единое целое свои мысли, прожитые мгновения. Не спросила я об этом и Тамару Федоровну, но лишь оттого, что увидела – ее увлечение носит несколько иной смысл. Она собирает из лоскутков частички своей доброй души в дар людям. Просто так, чтобы им однажды стало светло на сердце. Да, бывает и такое увлечение – дарить радость людям.

Тамара Федоровна не только мастерица шить, но и известная певунья, участница многих концертов, частый гость в школах города Беломорска, а еще любительница побродить по лесу в поисках ягод и грибов и порыбачить в Виремской губе, защищенной с востока большим лесистым островом Сумостров.

По преданию, которое хранит Т.Ф. Иванова, именно этот беломорский остров один из ее прадедов просил передать Вирме, обращался в Сенат. Ему ответили, что если сельчане соберут средства на необходимые работы, то пришлют землемера. Так оно и случилось: Сумостров и часть материка «Новая земля» отошли к Вирме. Речь идет, конечно же, не об архипелаге в Северном Ледовитом океане... Прадеду же выделили часть земли – Придано, которая и сегодня так именуется. После сын прадеда тоже писал в Сенат, дескать, земля отцовская, по наследству перешла ему, на что из Сената ответили: «Сыновья отцовых наград не носят...» Давно это было, в какое время, уже никто не скажет, но история невозможна без памяти, поэтому и хранит Тамара Федоровна все, что связано с ее родом – родом семьи Головиных по отцу и Пономаревых по матери...

Ее отец, Федор Михайлович Головин, 1902 года рождения, родился в Вирме. Промышлял на Мурмане, ходил капитаном после окончания Сумской мореходной школы и курсов в Архангельске. Мать, Валентина Семеновна Пономарева, ходила пешком в Сороку молоко продавать. В 1938 г. с кормилицей семьи пришлось расстаться – корову забрали... А уже тогда в семье было трое детей...

В 1940 году Ф.М. Головин потерял зрение, а зреньевым. В войну продолжал рыбачить на Мурмане, трудился на оборонных работах в районе Лехты. В 1947 году сказал, что больше в море не пойдет, и стал строить в селе электростанцию. Больше года пешком 3 км до станции и обратно исходил...

Дом, в котором сегодня живет Тамара Федоровна, построен в 1928 году. Считается, что это последний дом в Вирме, потому как отец ее

говаривал: «Начались колхозы, и больше никто топором не тяпнул».

– Мой отец, – вспоминает Т.Ф. Иванова, – послушником на Соловках служил. Однажды парнишкой он поранился на льду, когда с ребятами рыбачить ходили в губу, так вот, боролись там, боролись, и он поранился. Позвали бабку, она рану шелковыми нитями зашила и, как полагается, по слоям. Даже фельдшер сумский удивился, как она зашила. Чтобы сохранить здоровье сына, родители встали на колени перед иконой и дали обет: «Если поправится, то отдадим в монастырь на год в послушники». Так и случилось: 1 год и 2 месяца отец пробыл в монастыре в возрасте 14-15 лет...

*Вы немощны были и хилы,
За вас обещалась мать,
И волей божественной силы
На вас снизошла благодать... –*

читал свои стихи юным послушникам, мальчикам из крестьянских семей, воспитатель-библиотекарь Донат. Учились ремеслу, переплетному делу. Зимой катались на лыжах, обитых оленьей шкурой: подымаясь по горке, они не скользили.

О Февральской революции 1917 года Ф.М. Головин услышал на Соловках по радио. В это время перед ним встал выбор: остаться в обители или уйти домой. Он выбрал последнее, хотя настоятель уговаривал его остаться, ведь Федор Михайлович был его приближенным и во время служб ходил за настоятелем, носил его посох и пел на клиросе. «Не хочешь в духовенство, тогда иди в капитаны, у нас пароходы есть», – говорил тот, но, услышав отказ, благословил: «Что ж, поезжай домой».

– В 1925 году в Вирме разрешили служить старушкам, – вспоминает Тамара Федоровна. – В 1930-х годах прислали священника. Он жил у Морозовых, но в 1938 году его арестовали. Хотели церковь разрушить, но никто из жителей не вышел. Пришли к виремчанину Ивану Никитичу Попову, а он ответил: «Кто строил, тот пусть и ломает». Через некоторое время его арестовали: дробовик в доме нашли...

Прадед моего отца, Яков Головин, старовером был. Не принял он новую веру: собрали они с бабкой две подводы и ушли в Выговскую пустынь. Сыновьям по шхуне оставили. Его сын, Порфирий Яковлевич Головин, вместе с братом Егором тоже ушли, но в Питер: служили в Исаакиевском соборе. Жена Порфирия, моя прабабушка, пешком к нему ходила. У нее присказка была: к каждому слову «пра» добавляла: «Пра, надоело в Питере жить. Каждо место нать, на рынок идти, покупать. А тут,

пра, все свое...» Бабушку спрашивали: «Порфирона, ты как дорогу знаешь до Питера?» Она отвечала: «А как с нашего съезда сойдешь да мимо сергеевской байны, и в Питер...»

Дед, который в 1861 году родился, говорил, что Питера он не видел, а слышать слышал. «Как это?» – удивлялись. «А меня мать в животе оттуда принесла», – отвечал он.

В 1873 году, когда ее старшему сыну Василию было 18 лет, он приехал в Вирму и привез много масок, чтобы ряжеными ходить, и с моим дедом Михайло заболели они оспой. Василий умер, а Михайло выжил и так весь был «искропанный» оспой, что одной ноздри вообще не было, а другая такая, что только булавочка проходила. Женился он. На соседке. Все-таки зажиточный был: имел свою лошадь, невод и лодку. Не кулак, но зажиточный.

Когда Василий умер, Порфирий Яковлевич рассердился на жену: «Ты со мной в Питере жить не хотела, сына погубила, ты мне больше не жена». И она в Питер уж не ходила боле, и он не приезжал в Вирму...

Тамара Федоровна перебирает фотографии. Их у нее несколько пакетов, разложенных по порядку. Оказалось, она очень любит фотографировать. На одном снимке – пылающий закат, на другом – разламывающая льдину трещина. На каждой фотографии – частичка любви Тамары Федоровны к родной Вирме, людям, здесь жившим и живущим...

«На церковке хороводы водили...»

Гостеприимная Вирма во все времена принимала гостей из других поморских деревень и сел. Сюда приезжали и оставались здесь жить и сумляне, и колежемцы, и жители других городов и сел. Вирма становилась для них второй родиной: здесь зарождалась семья, появлялись на свет дети... Так получилось, что в 1960 году сюда приехала и навсегда осталась здесь жить уроженка Колежмы Анна Анатольевна Золотовская, в девичестве Терентьева. Род Терентьевых – известный в Колежме. Братья рыбачили, шили лодки. Когда их спускали на воду, устраивался настоящий праздник: всем селом приходили посмотреть, полюбоваться на результат труда колежемских мастеров.

Родители А.А. Золотовской – отец, Анатолий Иванович, 1888 г.р., и мама, Ульяна Михайловна, рыбачили в колхозе «Заря Севера», что появился почти одновременно с виремским колхозом «Труженик». Дед был кузнецом, а дядя Александр Иванович после окончания шкиперских курсов в Суме – капитаном дальнего плавания. Его жена Августа в

колхозе работала, она была племянницей купца Шуттиева, который держал в Суме лавку, где Августа какое-то время трудилась продавцом.

Война началась, когда А.А. Золотовской 8 лет было. Мама убирала в Колежме снег на аэродроме. Всех из деревни, у кого были дети до 8 лет, отправляли на уборку этого аэродрома. Нелегко пришлось в войну и взрослым, и детям...

В 1960 году Анна Анатольевна устроилась работать в виремский рыбопункт. О его существовании сегодня напоминают два огромных деревянных здания на берегу реки Вирмы. Здесь принимали рыбу у местных рыбаков, которые ловили ее в бригадах по 6 человек. Анна Анатольевна рассказала о бригадире Семене Никифоровиче Панфилове. На рыбопункте трудились В. Пономарева, А. Панфилова и др. Заведовал рыбопунктом Николай Степанович Золотовский (1931–1989).

В 1952 году в Вирму приехала Людмила Ивановна Богданова. 26 августа она приняла магазин от Федора Михайловича Головина и работала в нем до выхода на заслуженный отдых. В это время почту возглавляла Устинья Петровна Куревина, почтальоном работала Мария Ивановна Пашкова. В селе находились коровник, овечник, конюшня, за которой располагался небольшой парник, в нем овощи растила Анфея Ивановна Коппалина. Дизельная электростанция хоть и работала уже, но летом света в домах не было, только в сентябре, октябре и ноябре...

В Вирме ежегодно устраивались престольные праздники: 29 января и 12 июля. Кто только не приезжал в село: жители Сумы, Колежмы, Лапино. Устраивали гостебу, пели, веселились на славу. В праздники виремчане на «церковку», что около храма, ходили, вот там хороводы и водили...

– Еще до войны, – рассказывает Людмила Ивановна, – в селе несколько купцов жило. Самые известные: Головин, Богданов, Дементьев. Наш дом построен в 1928 году, он принадлежал купцу Головину, которого в 1930-е годы сослали, а имущество в доме на аукционе распродали. Дом построен так, как в Норвегии дома строили. Такой же постройки дома Пономаревых и Петра Степановича Головина... Еще в селе купец Игнатьев жил, он суда держал...

А название селу дали саамы, «Вирма» по-лопарски означает «свой берег», здесь ведь оленеводство было, а потом леса стали наступать, наступать, моху-то и не стало...

Долгое время в Вирме жила Мария Васильевна Попова, 1904 г.р. Вся ее жизнь связана с этим поморским селением, куда из Колежмы привез ее муж Николай Михайлович Попов. Правда, сама она

не колежемская. По воспоминаниям ее дочери Клавдии Николаевны Поповой, семья Боровых, а девичья фамилия Марии Васильевны – Боровая, была выселена с Севера, из Архангельской губернии... Ласково в семье называли бабушку Машу – «дейнушка», так повсеместно в Поморье племянники и племянницы величали жену дяди – брата отца: деинка, а нежно – дейнушка.

В войну она работала конюхом. Два ее брата не вернулись: один без вести пропал, другой умер в госпитале... Муж тоже погиб... Здесь, в Вирме, родились у нее две дочери. Старшая – Капитолина – работала в базе Гослова, долгое время являлась председателем первичной организации общества Красного Креста. Младшая – Клавдия – стала врачом.

Валерий Кошкин, сын Капитолины Николаевны, вспоминая свои летние каникулы в Вирме у бабушки Маши, рассказал, как однажды ему удалось побывать в церкви, в которой службы не велись. Тогда в село на автобусе привезли школьников из Сумского Посада. Совершенно случайно он со своим другом Анатолием Дементьевым оказался в храме.

– Там стояли знамена, много знамен, – говорит Валерий, – еще помню высокие подсвечники, на них маленькие крестики – свечи выставлять. Стекол на окнах не было, стояли металлические решетки...

Весело было летом в Вирме, чаще всего играли на сеновале, что был устроен в сарае рядом с конюшней. Еще любили в ельник бегать, который рядом с храмом: там старшие ребята устроили большие самодельные качели...

Наша семья хранит одно предание. Как-то давно, до войны еще, наш прадед, свекор Марии Васильевны Поповой, поехал в Великий Новгород навагу мороженую продавать. Погрузил сани и отправился в путь. Долгое время его не было. Ждали деда, ждали, и наконец-то он вернулся. Да без денег, а с одной лишь деревянной ложкой. Так вот в Новгород съездил...

«Чтобы сохранить свой дом...»

Всматриваюсь в пожелтевший от времени снимок 1952 года, что принес мне Валерий. На нем двое ребятшек – брат и сестра: Головины Галя и Женя. Я никогда не видела их, но почти от каждого старожила слышала об этой семье, о Жене, что дом родительский поднял, крышу отремонтировал, забор поставил. Удивительным образом на снимке запечатлен фрагмент дома, который построен в Вирме в конце XIX века.

Приехав в деревню, отыскала его. Сфотографировала, приложила снимки друг к другу, словно заставив на миг встретиться две эпохи. Мальчишка, что смотрит на нас с фотографии, окончит Ленинградское арктическое училище, будет работать в Эстонском морском пароходстве электромехаником и однажды решит завести «Поморские тетради», в которых расскажет о неподдельной любви к родной земле, Поморью, небольшой деревушке Вирме, где прошло его детство, с которым связаны самые яркие воспоминания его жизни. Он напишет, как высматривали они с деревенскими мальчишками колхозный бот «Труженик» «с полуразвалившегося сенника детского сада», что находился на втором этаже «дома бабки Настасьи». Бот этот, казавшийся тогда «сказочно красивым», «с прибылой водой» медленно поднимался в реку, становился в Поповскую Ямку или у моста.

Еще Евгений Александрович напишет, как поджидали они у моря отца, высматривая вдали обгонявшие друг друга паруса. Вся семья приходила встречать кормильца семьи: помогали разгружать карбас, считая за почетное право «нести отцовский короб», имевший «неповторимый запах хлеба, рыбы, водорослей, смолы, табака, соленого ветра, неизвестности». Дом Головиных – один из старых в Вирме: в 1976 году в нем сделали капитальный ремонт и обшили вагонкой стены. Печь в доме «была сложена монахом из самодельного необожженного кирпича»; разбирая ее в 1976 году, Евгений Александрович обнаружил «литой крест, украшенный филигранью».

Немного сегодня домов в Вирме, домов, помнящих несколько поколений... Но от кого зависит, что станет с тем местом, где ты вырос? Вглядываясь в уткнувшиеся в землю молчаливые дома, понимаешь: от нас самих...

Не лучшие времена переживает сегодня Вирма. Школы давно нет, врач приезжает сюда из Сумского Посада, молодежь разъехалась, «захватив с собой будущее». В селе двадцать первого века ни водопровода, ни колодцев. Виремчанки, а многим уже за восемьдесят, вынуждены собирать дождевую воду и растапливать снег, поскольку за водой нужно подняться по реке на два-три километра вверх...

Вирма оживает только тогда, когда к закрытому в 1990-х годах магазину подъезжает продуктовая машина, да в день выдачи пенсий, которую получают виремчанки возле остановки. Здесь они собираются «всем селом», разговоры рассказывают да новостями последними делятся. Иногда нет-нет да и вспомнят, как отцы и деды их в море ходили, на Мурман, как конюх Александр

Федорович Головин на выставку ВДНХ ездил, как перед самой войной пришли какие-то люди и приказали всем ломать церковь, но никто из виремчан не посмел взять грех на душу...

Бросят тоскливый взгляд на изрядно изношенный мост и скажут: «Никогда такого не было, а теперь никому ничего не нужно». Вздохнут устало от невозможности изменить то, что происходит с селом, да разойдутся...

Летом свежую струю в жизнь Вирмы вносят дачники да туристы, которые любят православным храмом трехсотлетней давности, с удивлением выслушивают сказ о Немецкой Щелье. Что ж, лето не за горами... Вирма пробудится от зимней молчаливой спячки, и сюда обязательно приедут дети и внуки Анны Андреевны Панфиловой, Анастасии Николаевны Поповой, Людмилы Ивановны Богдановой, Лидии Петровны Поповой, Тамары Федоровны Ивановой и многие другие.

Приедет и Евгений Александрович Головин... Чтобы сохранить для последующих поколений свой родной дом, а значит, родную землю, малую родину... Протопится русская печь в старинном поморском доме, все усядутся за стол и начнут вспоминать, как однажды в селе пожар случился: горел дом недалеко от Петропавловской церкви. Жители, увидев, что от искр горящего дома зашалялась крыша храма, бросились сохранять красавицу церковь, и именно благодаря им мы до сих пор можем любоваться уникальным памятником деревянного зодчества, святыней Русского Севера, земли поморской...

Беломорск – Вирма

Литература

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1904 год. – Архангельск : Губернская типография, 1904.

Акты Соловецкого монастыря, 1479 – 1571 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние ; сост. И. З. Либерзон. – Ленинград : Наука, 1988. – 273 с.

Архангельская Карелия. – Архангельск : Изд. Арханг. губерн. статистич. комитета, 1908. – 101,39 с.

Бугославский, Г. Рукописное Евангелие Виремской церкви Кемского уезда / Г. Бугославский // Архангельские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 марта (№5). – Ч. неоф. – С. 230-238.

Головин, Е. Поморские тетради / Евгений Головин // Север. – 1987. – №2. – С. 85-95.

Дуров, И.М. Из нужд Поморского побережья / И.М. Дуров // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1913. – № 12. – С. 565-567.

Канорский, Н. Церковное торжество в селе Вирме

15 и 16 января 1909 года / Н. Канорский // Архангельские епархиальные ведомости. – 1909. – 30 мая (№10). – Ч. неоф. – С. 285-292.

Карелия: ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Т. 1. – Петрозаводск, 1930. – 153 с.

Ключевский, В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае / В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. 8. Статьи. – Москва : Мысль, 1990. – С. 5-30.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии / Архангельский Епархиальный церковно-археологический комитет. Вып. 3 : Уезды : Онежский, Кемский и Кольский. – Архангельск : Издательство Архангельской церковно-археологической комиссии, 1896 – 267 с.

Материалы по истории Карелии XVII–XVI вв. / Под ред. В.Г. Геймана. – Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1941. – 439, [1] с.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год. – Архангельск : В Губернской типографии, 1861. – 216 с.

Перемены по службе // Архангельские епархиальные ведомости. – 1909. – 15 мая (№9). – Ч. офиц. – С. 150; 1916. – 1 мая (№9). – Ч. офиц. – С. 143.

Петропавловская церковь в деревне Вирма / Карел. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры, Карел. обл. совет по туризму и экскурсиям ; Авт. текста и рис. П.П. Медведев ; Под ред. В.П. Орфинского. – Петрозаводск : Карелия, 1986.

Распоряжения епархиального начальства // Архангельские епархиальные ведомости. – 1909. – 30 июня–15 июля (№12-13). – Ч. офиц. – С. 191.

Рукописные книги XVI–XVII вв. Виремской Петропавловской церкви Архангельской губернии // Архан-

гельские епархиальные ведомости. – 1909. – 15 янв. (№1). – С. 35-39.

Савич, А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. / А. Савич. – Пермь, 1927.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 1. Архангельская губерния. – СПб., 1861. – 131 с.

Список информантов

Богданова Людмила Ивановна (м.р. Кондопожский р-н; г.р. 1932; записано в 2011 г.)

Золотовская Анна Анатольевна (м.р. с. Колежма; г.р. 1932; записано в 2011 г.)

Иванова Тамара Федоровна (м.р. с. Вирма; г.р. 1939; записано в 2011 г.)

Кошкин Валерий Игоревич (м.р. г. Беломорск; г.р. 1955; записано в 2011 г.)

Морозова Таисия Петровна (м.р. с. Вирма; г.р. 1936; записано в 2011 г.)

Панфилова Анна Андреевна (м.р. с. Вирма; г.р. 1929; записано в 2011 г.)

Подлеская Мария Разумовна (м.р. с. Вирма; г.р. 1938; записано в 2011 г.)

Попова Анастасия Николаевна (м.р. с. Шижня; г.р. 1933; записано в 2011 г.)

Попова Лидия Петровна (м.р. с. Вирма; г.р. 1928; записано в 2011 г.)

Фото предоставлены автором

Светлана Викторовна КОШКИНА

родилась в Беломорске.

Окончила историко-филологический факультет

Карельского государственного педагогического университета.

Работает заведующей сектором краеведения

Центральной районной библиотеки Беломорска.

В 2011 году стала лауреатом Беломорского района за плодотворную

исследовательскую деятельность и большой личный вклад

в популяризацию исторического и литературного краеведения.

Публиковалась в журнале «Север» и карельских газетах.

Автор очерковых книг о жителях Беломорска.

